

Эля Сухова

УЛИЦА ЛИНЕЙНАЯ

Улица как улица... Одним концом упирается в линию железной дороги. Вернее – в железнодорожный барак, который на эту линию практически залез. А вторым концом – в лес. Ну, не то чтоб лес – так, соснячок-переплюйка, но маслят набрать можно.

Сразу после войны здесь давали землю рабочим кирпичного завода. Вот и строили, без слёз не взглянешь – как правило, из шлака или некондиционного кирпича. Корявого, пережжённого, с иссиня-чёрными пузырями непропёков. А потом достраивали, латали, добавляли без складу и ладу, тут – террасочку, там – пристроечку, сбоку курятник. И с тех пор такого понастроили, что даже хочется поблагодарить того великого мыслителя, который придумал профильное железо высотой в три метра. Теперь тут половина заборов из него сделана.

А там, за заборами, – своя жизнь. Своя смерть.

БАРАК БЕЗ НОМЕРА

Ольга Ивановна сидит у меня на кухне и плачет. Плачет давно и старательно, лицо опухшее, всё в бурых пятнах, толстые пальцы, жестоко пережатые массивными золотыми кольцами, мнут люрексую косынку. Косынка колючая, нос ей вытирать неудобно, но она всё равно вытирает.

«Нет, ты подумай – это она мне, мне сказала!!! Да я для неё всё! Вот поверишь, уже пять лет только об ней пекусь, а она... Она – мне!!! Уезжай, говорит, не хочу тебя видеть!!!»

И новая порция слёз и соплей. Я поддакиваю, сокрушаюсь, пою чаем. Ольга Ивановна уже два раза отвлекалась от своего горя – сперва осудила мои помидоры, дескать, не так взошли, потом – кошку, которая влезла на стол.

Я уж понадеялась, что она переключилась, – ан нет... Видать, крепко обиделась, теперь её обиды недели на две хватит. Пока по всем соседям не пройдёт, всем о «неблагодарной» не поведает – не успокоится. А потом к своей «неблагодарной» вернётся, уж мне ль не знать. Не в первый раз она тут плачет...

«Неблагодарная» – это внучка, жирненькая пятилетняя пупсёна с бледно-голубыми навикате глазами, не понимающая слова «нельзя». Её время от времени отправляют к бабушке погостить, так что я её неоднократно наблюдала, что называется, в быту. А Толика, Ольги Иванниного сына, автора внучки, видела всего пару раз. Не любит он тут бывать, барака маминогo стесняется. Он с семьёй теперь в коттеджике площадью метров шестьсот обитает, о бараках ему и вспоминать-то не хочется...

Кстати, он тоже железнодорожник, как и маменька. Она всю жизнь в кассе дальнего следования оттрубила, а он – начальник

участка. Невелика должность, официально тыщ на сорок, но на ежегодный отдых на Лазурном берегу, скромный домик в восемнадцать комнат да новый джип хватает помаленьку...

Толя – раздражительный, вечно вздрюченный и вечно на диете. Никак со ста пятидесяти кг хотя бы до ста двадцати сдуться не может. Трудно ему, конечно. Жена сроду не работала, тёща-инвалид на шее, да ещё ребёнок никак не получался. Они его лет десять вымучивали, сплошные искусственные оплодотворения да выкидыши... А теперь вот она, доченька! Так что они на свою Дашеньку всей семьёй молятся. И если та в магазине падает на пол и начинает визжать, требуя что-нибудь этакое, всё ей тут же предоставляется. А Ольга Ивановна – женщина нравов строгих, рука у неё тяжёлая, и при таких фортелях у неё ответ один: а по толстой заднице не хочешь? И летит Дашенька впереди собственного визга...

Ну, напододала она малой разок, подумаешь! Ведь было за что! А на следующий день поехала с внученькой сидеть, та с порога верещит – видеть бабу не хочет, да невестка с претензиями: «Как вы могли на Дашеньку руку поднять?! Валите в свой барак и не приезжайте больше!»

Провожая её – грузную бой-бабу, разведёнку, до самого барака. Она вроде и успокоилась, а перед своим крыльцом опять начинает всхлипывать. «Ольга Иванна, да что вы, не берите в голову, это она по малолетству, по недомыслию».

«А-а-а, молодая ты, не понимаешь! Ведь я уже жизнь прожила, а кроме этого грёбаного барака и вправду ничего своего нет!!!» – и снова утирается засморканной косынкой. Мимо грохочет товарняк, дребезжат стекла, дрожит земля под ногами. Ольга Ивановна ещё что-то говорит, да только ничего не слышно... Я стучу пальцем по уху и пожимаю плечами. Она в ответ машет рукой, жалко улыбается и закрывает за собой дверь.

Товарняк какой-то бесконечный...

ЛИНЕЙНАЯ, Д. 1

Дядя Паня был чудак, каких мало. Чудак в людском представлении – он какой? Благодущный, блаженный, светлый... А дядя Паня был чудак упёртый, агрессивный и хамоватый. И как его тётя Маня столько лет выдерживала? В последний год его жизни, когда я за ним присматривала, он был уже слабенький совсем, полупарализованный, да и то я порой от него залезала на чердак, сидела там часами и думала – не выдержу! Либо сама сейчас повешусь, либо его придушу, благо никто не прикопается – кто там станет разбираться, от чего человек в девяносто один год помер?

Причём странности его отнюдь не от старости – он всегда такой был, сколько его помню. Я ведь маленькая, лет до пяти, тут жила. Потом уехала, с отцом по гарнизонам моталась. А теперь, выходит, домой вернулась...

Так вот – от дяди Пани и в те годы повеситься можно было. Вся беда в том, что он, во-первых, очень ценил своё здоровье, а во-вторых – свято верил печатному слову. А изобретателей в сфере здоровья всегда хватает.

Напишет какой-нибудь талант, что помидоры удивительно полезны – и дядя Паня начинает жить на одних помидорах. Потом какой-нибудь другой талант открывает, что они, напротив, ужас как вредны. И – абзац: из рациона дяди Пани помидоры и всё, что с ними связано, уходят как класс. Мы так пережили период питания одними яйцами и их полного отрицания, сыроедения, когда, возвращаясь с работы, он лихо зажёвывал полкочна капусты, пару реп и сырую свёклину, а я с ужасом смотрела на его раздувшееся пузо и ждала, когда он лопнет. Дальше последовали овощи, запечённые вместе с кожурой в духовке, это было ещё терпимо. А вот с мёдом, которого, как написал кто-то умный, человеку надо непременно съесть столовую ложку в день, у меня оказались проблемы. Это когда дядя Паня, кушая вечером кислые щи, вдруг вспомнил, что не съел дежурную ложку мёда, и спокойно плюхнул её прямо в щи. И употребил со словами: «Да какая разница, всё равно в животе перемешается». А меня стошнило...

Меня и потом не раз тошнило – он последние лет двадцать увлекался уринотерапией. Вот уж утопить бы изобретателя этой гадости в его любимом продукте! И как вам картина: полупарализованный старик утром первым делом – цоп стакан со стола, насыт туда при мне да и выпьет... А потом мне этот стакан суёт – давай, мол, кофе сюда же!

Не стало его – я откровенно обрадовалась.

А потом запечалилась – одиноко как-то...

И тут же это дело поправила – хорошую ничейную бабушку подобрала, собаку добрые люди подкинули, а две кошки сами пришли. Вот теперь совсем другое дело... И жизнь радуется!

Варю варенье на летней кухоньке, на крыльце собака лежит – блаженствует, бабушка на огороде копается – любит она это дело, кошки у ног мурчат... Эх, хорошо!

А в голову мыслишка лезет – вот я помру, и кто-нибудь обо мне станет рассказывать – мол, жила тут одна дурочка, весь год босиком ходила и подбирала всех подряд...

Да ладно, пусть что хотят говорят!

Мне-то уже всё равно будет...

ЛИНЕЙНАЯ, Д. 2 И Д. 3

Может, кто-то по утрам просыпается с петухами, а я просыпаюсь с коровой. Она начинает истошно орать ровно в семь утра. Никогда не могла понять, чего ей, дуре, надо – то ли жрать, то ли пить, то ли доиться... Когда эта сирена включается, слышно за километр. А если вот так, под самым ухом... Я аж в кровати подпрыгиваю!

Да ладно, пусть орёт – мне всё равно на работу вставать, так что можно считать, она вместо будильника. И вообще, если разобраться, корову эту надо ценить и уважать. И пусть делает что хочет, поскольку она у нас реликтовая – самая последняя в деревне. Пасёт свою бурёнку Ленка Чернецова возле моего дома – на горелом участке, где раньше Васька жил. И сам Васька, и вся его семья были страшные баламуты. Папаша пил, как бочка, пёр, что под руку попадёт, и по пьяному делу попал под поезд. Давно уже.

Мамаша пила, как две бочки, и её хватил инсульт. А Васька её бросил, запер дом и уехал к любовнице в соседнюю деревню. И больше месяца, пока мамаша не померла, к ней ходили по очереди кормить и мыть Ленка, Галина Кирилловна и Ольга Ивановна.

Хоть и дерьмовая была баба, а всё ж живой человек – жалко...

Похоронили её тоже вскладчину, а Васька даже на похороны не пришёл. И жить тут не стал, сдал дом.

Да только и жильцы здесь недолго продержались. Мы-то, помню, радовались – семья тихая, работающая, узбек с женой и двумя детишками. Уважительный такой. Особенно после Васьки – на контрасте.

Осенью они вселились, а в феврале среди ночи ка-а-к полыхнет! Проснулись мы, выбежали – грохот страшный, шифер взрывается и летит во все стороны, ветер какие-то горящие куски крутит, несёт, зарево такое – жуть...

Узбека самого дома не было, а жена его в халате, босая, выскочила, воеет, мечется. Русский с перепугу напрочь забыла – по своему верещит, а мы понять не можем, дети-то где? То ли она их вытащила, то ли они там заживо горят?

Одного нашли вскоре – ко мне под крыльцо забился. А второго нет! Я уж пальто старое водой облила, с головой в него замоталась да совсем было в огонь полезла – искать. Хорошо Ольга Ивановна вспомнила – нету там детёныша, его в больницу днём раньше забрали...

Часа через три, уж когда угольки дотлевали, пожарная прибыла. Без воды, конечно... Посоветовали нам пожарище снегом присыпать, чтоб не дай бог огонь не раздуло, да и отчалили...

А Ваську в ту же зиму убили где-то, так что участок теперь ничей.

Трава после пожара растёт высокая, сочная, есть что покушать. Корова жирная, чистая, удойная... Молоко вку-усное, за ним дачники чуть не в драку. Сколько цену ни скажешь – всё возьмут! Но и трудов с коровой... Не позавидуешь Ленкиному достатку.

Вчера собралась я на работу, калитку запираю, гляжу – Ленка семенит, успела уже спозаранок травы накосить. Велосипед изпод копны почти не видно, так навьючила...

– Как, – говорю, – ребята твои? Сынок, дочка?

Личико у Ленки красное, маленькое, морщинистое, платок намотан кое-как, халат синий, рабочий, и резиновые сапоги на босу ногу. Улыбается, кивает, половины зубов нет... Ух, хороша, кикиморка!

– Спасибо, спасибо, радуют детки. Серёжа на третий курс перешёл, на повышенную стипендию. А Кате в этом году диплом защищать, её уже в аспирантуру позвали. Умочки мои!

Смотрит на меня в упор – глазки водянистые, поплёскивают, как у мыши. И вдруг спрашивает:

– А знаешь, о чём я мечтаю? Как только детей выучу – в тот самый день, как они первую зарплату принесут, – угадай, что сделаю? А корову зарежу! Вот те крест – зарежу! Как же я её, тварь удойную, ненавижу! Вся жизнь моя говном коровьим провоняла!

В корове включается сирена.

«Уй ты лапочка, уй ты милочка, – сюсюкающе заводит Ленка. – Пить захотела, хорошая моя... Сейчас, сейчас...» И, не прощаясь, припускает к своему дому.

Корова орёт обречённо...

ЛИНЕЙНАЯ, Д. 4

Шла сегодня из магазина, а навстречу Лариса Николаевна. И главное, спрятаться некуда – с одной стороны забор, с другой – канава. Мимо пройти, сделать вид, что не заметила? Никак – дорога-то узкая... Пришлось поздороваться. А с ней только поздоровайся – и всё, не вырвешься! Оправдания типа «не могу, тороплюсь, меня ждут» не прокатывают. Она вцепляется, как клещ, и говорит, говорит, говорит...

В основном о своём здоровье – мол, врачи взятку ждут, не дают ей первую группу инвалидности, даже вторую едва выбила, а у неё и там болит, и тут стучит, и ещё вот здесь ёкает... Да со всеми подробностями, с результатами анализов...

Ещё – о деньгах. Как она что-нибудь выгодно сделала, купила, продала, построила. Как с неё хотели взять больше, а она им кукиш, и как можно было ещё выгоднее, да не получилось.

О своей гениальности и красоте. Сколько у неё изобретений, как на её достижениях до сих пор целая отрасль работает. Как её сватали и тот, и этот, а ещё вон те двое. Тот с деньгами, этот с положением, а те вообще от любви хотели с собой покончить. И какие ей стихи посвящали. И какая народная артистка на неё ну удивительно похожа!

И, наконец, о матери.

Катерина Алексеевна – это Ларис-Николавнина боль, страдание и крест... Мать ей всю жизнь заела, именно из-за матери она не вышла замуж ни за первого, ни за второго, а так и осталась женой одноглазого прораба с кирпичного завода, с пристрастием к пиву, тяжёлыми кулаками, и к тому же совершенно без культурных запросов.

Да если б не мать, Лариса Николаевна блистала бы в высшем свете, получала госпремии и была звездой первой величины!

Увы – Катерина Алексеевна какая-то вечная. Вот Ларисе Николаевне уже семьдесят пять, другие, порядочные матери, давным-давно все померли и освободили детей от груза своей никчёмной старости, а эта всё живёт и живёт, чего-то ей постоянно надо, и у несчастной дочери из-за этого никакой личной жизни.

А сегодня Лариса Николаевна сияет на всю улицу. «Радость, – говорит, – какая! Я добила, что мать в дом престарелых возьмут! Сегодня позвонили – документы подписаны!»

У меня аж внутри что-то оборвалось. Не выдержала – хоть и знаю по опыту, что возражать Ларисе Николаевне – всё равно что против ветра плевать, а само вырвалось:

– Что вы делаете?! Она тут всю жизнь прожила, а её заберут невесть куда, она же помрёт там от силы через неделю! Она же вам мама...

– Оно, конечно, не ко времени... – соглашается Лариса Николаевна. – Я сейчас новые кольца для колодца заказала, да чтоб их поставить, надо денег отложить... Ты как думаешь, сколько узбеки за колодец возьмут? Тысяч пять или больше?

С другой стороны, я поминки устраивать и не собиралась. А на девять дней самых близких позовём – вот тебя, Галину Кирилловну да материну подругу, бабу Машу со Школьной улицы.

И хватит...

ЛИНЕЙНАЯ, Д. 5

Куры у Наташки ручные невероятно. Втыкаешь в грядку лопату – они тут же под неё суются, выклевывают что-то деловито... Ещё и на меня ругаются, вкочуют с большим осуждением, мол, уйди, противная, что с лопатой зависла – не видишь, червяк из-за твоей нерасторопности уполз! И не вздумай их шугнуть – Наташка сразу губы поджимает, обижается. Правда, вслух не скажет, но всё равно видно.

Вот ведь – двести метров расстояния, а земля у неё совсем другая... Лёгкая, пушистая, копать – одно удовольствие. А у меня глина – от лопаты не отдерёшь... Зато у меня всегда вода есть, даже в самую засуху, а у неё в колодце с ранней весны почти пусто.

Поэтому и пришли мы с Галиной Кирилловной к Наташке помидоры сажать каждая со своей лейкой. И экономненько так – под корешочек, помаленьку... Ничего – Наташка потом ещё сама польёт. До меня дойдёт, наберёт. Я всегда шланг с краником сквозь забор на горелый участок просовываю. И Ленке удобно корову поить – не надо от себя воду таскать. С пустым ведром пришла да тут набрала. И Наташке на пользу.

Потом мы с Галиной Кирилловной и Наташкой ещё парник закрыли – плёнка на ветру бьётся, из рук вырывается, едва справились. Кирпичами её, заразу такую, прижали, вокруг бечёвкой обвязали, чтобы не сорвалась, не улетела, и кур наружу с большим почтением препроводили...

Хорошо получилось, красиво...

Наташка звала посидеть, чаю попить, да я отказалась – у меня бабушка и собака с утра не кормленные, а уж десятый час, пора бы. И Галина Кирилловна за компанию к нам пошла, у неё с моей бабушкой вечные сельскохозяйственные диспуты – вот уж родственные души оказались!

Вскоре гляжу – Наташка с двумя баллонами за водой идёт. И тут мой кобель как начал на забор кидаться! От ярости просто захлёбывается – клопочет весь. Он у меня, вообще-то, умный мужик, хоть специально его ничему не учили. Это в нём порода своё берёт – папа у него восточно-европейский, очень племенной, миллицейский. Весь медалями обвешан, серьёзная зверюга. А мама немецкая – с рахитом, выбраковка, а всё равно предки служивые, как говорится, происхождение в карман не спрячешь. Так что на людей мой Гурий реагирует очень правильно – просто голос подаёт, что кто-то пришёл. Если свой – хвостиком повилает вежливо и пропустит. Если чужой – так и будет возле меня топтаться, пока я общаюсь, – контролировать. Но молча!

А вот на Наташку каждый раз вывернется по полной. Уж пора бы успокоиться – мало того что соседка, так и по работе тут целыми днями шастает, почтальонша она... Но у Гурия на неё каждый раз такая вот истерика.

Я его раз попросила заткнуться, два – реакции никакой.

«Что ты, Наташ, – кричу, – ему сделала, что он тебя так не любит?» Она воду набирает, смеётся: «Ему, – говорит, – так от бога положено – все собаки терпеть не могут почтальонов и убогих, а тут всё в одном флаконе!»

Наташка ловко подхватывает верёвку, связывающую две бутылки, правой рукой, хоть и совсем коротенькой, зато с пальцами, перекидывает через плечо и, придерживая левой – более длинной, но заканчивающейся чем-то вроде лапы, не кисть, а загнутая внутрь култышка, – отдуваясь, ковыляет к себе. Гурий замолкает, но от забора не отходит, подозрительно глядит ей вслед.

«А знаешь, – грустно говорит Галина Кирилловна, – я ведь с её мамой в одном классе училась...

У неё только двух пальчиков на одной руке не хватало...»

ЛИНЕЙНАЯ, Д. 6

Гурий знает дни недели. Точно отсчитывает – бывает, и я собьюсь, а он – никогда. Это потому, что мы с ним по субботам и воскресеньям в лес гулять ходим – часа на два. Носится он там – свободный, летящий. Время от времени вынырнет на тропу, проверить – как я? Никто не покусился? Толкнёт носом под руку и снова исчезнет. Здоровенный, а бесшумный.

Вообще-то, лес узкий – с этой стороны поле, дачи, деревня – и с той то же самое... Поэтому по тропинкам не только мы с собаком бродим – ещё всякие бабушки встречаются. По двое, по трое, чтоб поболтать можно было. Это теперь они к Гурию привыкли, сюсюкают хором: «Пёсик, собаченька, красавец...» – а поначалу пугались. И правда – возникнет внезапно что-то массивное и явно хищное, перелетит через тропу и скроется. Что хочешь, то и думай, особенно слепу...

Из-за этих прогулок и ждёт Гурий выходных. По-моему, в субботу и воскресенье он вообще в свои апартаменты ночевать не уходит. (У дяди Пани козлятник был, а у меня «собачатник» получился, там даже диван стоит!) И чтобы меня утром не пропустить, прямо на крыльце и спит, дверь подпирает.

А сегодня я вышла – его нет... Одно из двух – либо я просчиталась и нынче не суббота, либо Гурий заболел. Впрочем, ещё вариант имеется. Может, гости к нему пришли, заигрался?

Выглянула осторожно за угол, на задний двор... Ну так и есть, морозовский Эрлик снова у нас!

Ох как круги наяривают! Ростом они одинаковые, но наш массивный, мохнатый, а Эрлик худощавый, гладкошёрстный, шустрый. Поэтому он ловчее в крутые повороты входит. Зато уж если наш догонит – тому не удержаться. Катятся кубарем, трава во все стороны... Я вчера косила, такую хорошую копёшку подгрребла... И вон она вся – летает! Аж по яблоням развешана...

Меня не видят. Оба – сплошная страсть и погоня. Но молчком, всё молчком... Нашему-то просто в радость, вот и не гавкает. А Эрлику побегать – наслаждение редкостное, уникальное, не дай-то бог лаем к себе ненужное внимание привлечь... Такая удача – с дружком погоняться, поиграть – может, раз в полгода выпадает. Чаще с цепи срываться у него не получается.

А цепь-то короткая... Будка кривая-косая, из обломков шифера кое-как сляпана, и не знаю, как он там в холода выживает? Площадка перед ней вся засранная.

Зато уж если вывернулся Эрлик, убежал – весь мир открыт. Забора-то у морозовского дома нет.

Мы с моей бабушкой Витьку Морозова зовём «дяденька Недодел». Лет пять назад, помнится, взялся он свой дом красить. Угу... Та сторона, что на дорогу глядит, почти покрашена. Ну, процентов на семьдесят. А вторая – почти от старой краски ободрана. Тоже процентов на семьдесят.

Прежний забор он лихо сломал. Помню, ещё говорил, что новые столбы поставить – ему раз плюнуть, а железо прикрутить – так это вообще одной левой! Вот столбы и стоят. Поржавели, правда, некоторые покосились, но в основном пока держатся...

Прошлой весной взялся мотоблоком под картошку пахать. Так рога бедного мотоблока всю зиму из-под снега посреди огорода и торчали, словно там козёл утоп...

Машка, дочка его, – баба разумная, деловая, в городе работает, квартиру снимает. А сыну – Морозову-младшему – на хозяйстве плевать. У него в жизни великая цель – обращение людей к богу.

Бог у него, правда, какой-то сектантский. Так что он с женой и двумя сыновьями вечно по окрестным деревням топчется, проповедует. Не знаю, как кого, а меня своей религиозной литературой уже замумукал. Вот – опять забыла, чего же это он «свидетель»? То ли Иисуса, то ли Иеговы?

К сожалению, «дядя Недодел» уже знает, где свою пропажу искать. Недолго думал – вон он, лёгок на помине, орёт... Гурия я за заправку придержала. Эрлик бочком-бочком, в щёлку калитки, увернулся от пинка – и к себе, на цепь.

А мы с Гурием всё же гулять пошли. Он ещё к Эрлику кратенько завернул – посочувствовать, наверно... И в лес полетел. А я плетусь нога за ногу – тут посматривать нужно, я ж босая, а битых стёкол до чёрта... Мимо столбов этих ржавых...

Какая у морозовского деда, Кирилла Антипыча, малина была! Как я, малая, вдоль его забора шустрила – выглядывала, где ягодка свесится... И где она теперь, та малина?

Бурьян по пояс, крапива.

Кажись, что-то красненькое? Цапнула, обстрекалась вся...

Ну, ягодка. В лесу дикие и то крупнее.

Разломила.

Заглянула.

С червяком!

ЛИНЕЙНАЯ, Д. 7

Утром бабушка посуду мыла, а я бельё из стиральной машины доставать пошла. Постельное нынче стирала – с отбеливателем, с кондиционером... Аж нюхать приятно! Люблю... И пока пододеяльники расправляла да принохивалась – оно и случилось...

Фонтаны грязи забили одновременно – из раковины, стока душевой кабины и из-под стиральной машины. Чёрными хлопьями, мерзостью какой-то...

Я бабушке кричу: «Воду выключайте! Быстрее!!» А она и так-то глуховата, да ещё посуда звенит и телек на полную катушку орёт...

Не слышит! А всё, что она там лёт, мне тут, в ванной, уже на два пальца пол залило и прибывает на глазах...

Кинулась к двери – а пол-то кафельный, скользкий, нога поехала, я и села в эту лужу, да копчиком – ужас как больно. А всё бельё сверху шмякнулось. Постирала, называется...

И началось...

Бабулечка у меня слабосильная – сухонькая, хроменькая, востроносенькая. Она только воду включать-выключать может, да шланг подержать, если что. А уж я намахалась... То тросом в стоке шурую, то шлангом – авось пробьёт... И всё, что я туда вливаю, обратно так и прёт. Да ещё то я, то бабушка на конец участка к сливной яме бегаем, посмотреть, идёт вода хоть чуточку или нет. И землю на ногах сюда же, в дом, приносим. Мы с ней обе на чистоте слегка повёрнутые, так что всё это видеть – просто сердце разрывается. И вот в разгар этого безобразия – как раз, когда я шланг в очередной раз в слив запихивала, – в кармане телефон заверещал.

Бабушка, как верный адъютант, его выхватила, к уху моему прижала.

– Алё!

– Это я, Рая...

Вот уж кого век бы не слышать. А тем более в такой момент...

Шешеры нам слегка сродни. Раин покойный муж – двоюродный брат моего папы. А их сын, Вовка, соответственно, мне троюродный. Хороший он был мужик – добродушный, спокойный, домовитый. Умер молодым, нелепо как-то. Почти не пил – может, рюмочку за компанию, не больше. От одной рюмочки его и не стало... Водка палёная оказалась. А Морозов, который всю эту бутылку практически в одно рыло оприходовал – вон, как ни в чём не бывало...

Дом у Раи солидный, основательный. Сама она там и невестка, а две внучки, два их мужа и четверо правнуков наезжают время от времени из города.

Голос у Раи страдальческий, плачущий...

– Чего, – говорю, – случилось-то? Извините, тетя Рай, говорите побыстрее – у меня авария, пока болтаю, затопит на фиг!

– Ой, как не стало Вовки, и некому мне помочь-то... Надо насос в колодец опустить, ведь без воды сидим. Да ещё правнуков мне подкинули... Господи, как же быть – на тебя одна надежда была, кого ж ещё попросить...

– Ладно, – отвечаю, – подождите только, со своей бедой справлюсь, так и быть – приду, помогу...

И бабушка кивает: «Непременно надо помочь! С детьми без воды никак. Сходим.»

С канализацией мы разобрались часам к трём. Ещё почти час грязь возили – ну, хотя бы маленько порядок навести! Сели на кухне, пот утёрли, переглянулись. Ох, устали... А ещё к Рае идти...

Но делать нечего – и так сколько уже ждёт...

Рая и правда сидит, нас выглядывает. «Ну, что так долго? Пойдём, пойдём!»

Насос громоздкий, шланг к нему толстый, как удав, да самой мне всё это из кладовки выволочь...

Полезла в колодец. Глубоко... Скобы узенькие, склизкие, бабулечка и Рая сверху заглядывают – маленькие такие!

Едва с этим насосом справилась. Опустила, привязала. Вылезла. Впряглись мы с бабулечкой в шланг – к дому тянем, а Рая крикливо – чтобы цветы ей не помяли. Тут я и спохватилась:

– Тётъ Рай, а чего это мы вокруг-то тянем, не напрямки?

– Так мне к парнику надо, а он сзади! У меня редиска пропадет без полива! А в доме вода и так есть!

Как я её этим шлангом не пришибла? Однако сдержалась.

Она нас ещё пустила руки помыть. Слышу – голоса с кухни. Заглянула. А там внучка Раина, Ксанка, с мужем сидят, кушают, чай пьют, телевизор смотрят. К столу не зовут. Мне кивнули. Гладкие такие оба, вальяжные...

Рая нас быстренько, быстренько – и до калиточки...

– Неужто, – говорю, – у вас в доме народу мало, что нас звали? Вон Ксанкин мужик какую будку отъел, он бы этот насос одной левой, а я чуть ёжика не родила!

– Что ты, что ты! Он у нас не по этой части, он – по денежной. К нему с таким вопросом и подходить неуместно!

И побыстрее калиточку за нами закрывает.

Ташимся мы к себе. Я молчу, а то слов кроме матерных всё равно припомнить не могу. Сзади бабушка носом хлюпает, бубнит:

– Ох, мы ж с тобой обед не готовили... И есть как хочется...

А у них на столе пироги были, я видела...

С мясом...

ЛИНЕЙНАЯ, Д. 8

Забор у Люськи кирпичный, высокий – метра три. Дорога перед ним заасфальтирована, кусты пострижены, бордюр покрашен. Солидно всё так. Я, как возле прохожу, непременно рукой машу и улыбаюсь. Если кто дома есть – сама Люська или муж её, Герка, – увидят, что здороваюсь. У них везде видеокамеры понатыканы. Ну точно: ещё до конца забора не дошла, а уже в кармане телефон трясётся: «Ты что мимо топаешь? Давай ко мне на пять минут – покажу что!»

У Люськи всегда есть что показать. Любит она что-нибудь этакое выискать и опытом поделиться. То кормушку для кур новейшей конструкции по каталогу выпишет – удивительная вещь, не даёт зерно разбрасывать, экономия кормов выходит чуть не в половину. То стабилизатор электричества установит какой-нибудь этакий. Газонокосилка у неё самоходная. Сама едет, сама косит, сама траву в мешки пакует. Чудо! А какие цветы! Как в раю...

И ведь не скажешь, что человек с жиру бесится, деньги направо-налево кидает. Всё с расчётом сделано, лишней копейки не потратит. Наверно, она на весь район единственная, кто ни газозому хозяйству, ни администрации, ни БТИ гроша на себе заработать не дала. Они ей голову мутили-мутили, мол, это нельзя, то не положено, а вот это за очень отдельные деньги и по двойному тарифу! Ну, руки же чешутся хоть что с бизнесменов стясти, тем более у нас тут таких раз, два – и обчёлся. Но Люся встала в позу: «Вы, – говорит, – не смотрите, что я из глухой деревни! Чай не лап-тём щи хлебаем! И пока вы мне с законом в руках не докажете, что

я вам что-то должна, ничего и не получите!» А уж законы она знает куда круче, чем все местные юристы, проверено...

В калитку шагнула – навстречу кошек штук десять, четыре собаки. Едва с ног не сшибли. Все приبلудные, кем-то выброшенные, в авариях побывавшие. Подобранные, вылеченные. Это ещё та малая часть, кого она пристроить в добрые руки не смогла. Клубятся вокруг, носами тыкаются, ласкаться лезут.

– Ох, Люсь, как тебя Герка со всей этой живностью терпит?

– Вот-вот, – смеётся она, – а теперь я сама себя превзошла! Идём!

Заворачиваем за дом, а там...

М-да...

Вместо картофельных грядок ограда из горбыля, а в ней – прыгает на трёх ногах вороной жеребчик. Правая передняя – в лубке, но настроение весёлое. Нас увидел – навстречу заковылял, тут же к Люське в карман полез – сахар ищет.

– От, фигня какая, – кивает она на лошадь. – И не думала, и не гадала, по соседней деревне ехала, а там его в машину грузят. Молодой, племенной, красавец, да ногу сломал. Хозяин его на колбасу и пристроил. Ну, ты ж понимаешь, нельзя было бросить... Вот и купила по мясной цене. Ветеринар уже был, снимки сделал, лекарств тысяч на двадцать навывисывал. Прогноз так себе – ходить будет, конечно, но ездить на нём нельзя. Никогда... Что ж – пусть живёт. Прокормим...

Стоим с ней, на солнышко щуримся, смотрим на ещё одну спасённую жизнь.

– Мне сегодня сон был, – вдруг говорит Люся. – Будто забираюсь я по веткам огромного-преогромного дерева, а на самой вершине сидят две маленькие девочки. Одна хорошенькая, как Мальвина, – кудряшечки, рюшечки, бантики... А вторая толстая, косоглазая, рыжая. И кричат: «Тётя, тётя, сними нас отсюда, мы твои дочки!» Я и подхватила ту, что хорошенькая, вниз полезла. А толстая как завоет басом: «Почему меня не берёшь?!» А когда я внизу оказалась – Мальвина моя куда-то пропала. Сажу на землю, плачу и думаю: что ж я, дура, вторую-то не взяла? Пусть толстая, ничего, что косая, – зато ребёночек бы у меня был...

Она быстро и нервно встряхивает головой и тянет меня на кухню – хлеб пробовать, сама испекла...

Оборачиваюсь. Там, в ослепительном закатном пламени, качает ветками яблоня, а на ветвях сидит девчонка.

Рыжая, толстая, нерождённая...

ЛИНЕЙНАЯ, Д. 9

Бабушка моя так и говорит: «Слёт колхозных старух». Но когда на нашей скамейке у ворот кто-нибудь из соседней отдохнуть пристраивается, всё же присоединяется – побалакать, в слёте поучаствовать.

Нынче вот Галина Кирилловна в магазине с Ниной Трофимовной с соседней улицы встретилась, я вышла, бабушка за компанию рядышком присела...

Сидим, общаемся.

А Нина Трофимовна вдруг как подхватится: «Ой, девочки, побежала я, пока меня Клава не заметила – вон она идёт!»

Галина Кирилловна Нину Трофимовну едва успела за подол ухватить: «Успокойся, теперь тебе её бояться уже незачем, ты ж на пенсии!» Та смеётся: «Привычка – вторая натура». И Галина Кирилловна смеётся. А нам с бабушкой любопытно.

Ну, они и объяснили.

Нина Трофимовна-то нашей врачихой участковой работала, всего год как на пенсию вышла. А у Клавки – сын-алкаш был. И как он в запой уйдёт, работу прогуляет – Клавка прётся прямо к Нине Трофимовне на приём, влезает без очереди и начинает требовать для него больничный. Учítывая, что Клава изрядно глуховата, очередь может шуметь сколько ей угодно и Нина Трофимовна отказывать в больничном тоже хоть до посинения – пока та своё не выцыганит, нипочём кабинет не освободит, не отцепится!

Я уж давно за ней эту особенность заметила – особенно плохо у Клавки со слухом, когда ей что-то слышать невыгодно. Она у меня пятьсот рублей в долг взяла и не вернула. А как мимо шла – я к ней. О природе, о погоде, да между прочим так – когда должок-то вернёшь? Так о природе и погоде она прекрасно со мной пообщалась. А как про денежки разговор зашёл: «Ой, чегой-то совсем не понимаю, чего ты говоришь-то? Ну, извини, до свидания, до свидания...»

А Клава, пока мы ей косточки перебивали, уже подошла, тоже к компании присоседилась.

– Вот, – говорит, – к сыночку иду... Полгода сегодня, как моей кровиночки на свете нету... Ох, как мне тяжело-то без него...

– Ага, – тихонько в сторону бормочет Галина Кирилловна, – выпить не с кем, компании нету...

– Ну да, как же не с кем? – так же вполголоса отзывается Нина Трофимовна. – А разве Колька-татарин не у ней живет последнее время?

«Господи, – думаю я, – Колька-то мужик какой справный, хоть и пьющий. Как же можно было на такое польститься? Это ж сколько выпить надо?»

Ну да Клавка нас не слышит. Всё о своём – как могилку обустроила, сколько кому за оградку отдала... А у самой в руках пакет большой-большой.

– Чего это у тебя, Клав, в пакете-то? – спрашивает её Галина Кирилловна.

– Так мусор несу, бутылок всяких набралось. По дороге в посадке кину, – охотно объясняет она.

Галина Кирилловна впадает в гнев. В общем, можно её понять – мы за вывоз мусора по двести рэ в месяц платим, а по весне общими усилиями проходим по ближним окрестностям, всё, что разные уроды за зиму накалили, подчищаем, чтоб порядочек был. А тут эта грязнуха, да так в открытую!

– Как тебе не совестно, – вещает Галина Кирилловна, – в то время как все мы... Из-за таких, как ты... Да если у тебя двухсот рублей нету – в конце концов, приноси свой мусор ко мне, мешком больше, мешком меньше – кто проверит, мне не жалко! Только прекрати гадить!

– Я учту, – внезапно на полуслове перебивает проповедь за чистоту Клава. И, чапая войлочными ботами, удаляется со своим мешком в сторону посадки...

Галина Кирилловна шумно выдыхает набранный воздух, не потраченный на оборванную посередине фразу, и спрашивает Нину Трофимовну:

- Как ты думаешь, она меня хоть слышала?
- Сомневаюсь! – хором отвечаем мы...

ЛИНЕЙНАЯ, Д. 10

Сидели мы с Галиной Кирилловной, чаёк попивали да выступление нашего президента слушали. О демографии он говорил. Обычно всё, что он говорит, встречает у Галины Кирилловны глубокое одобрение. Я, вообще, заметила: если ей человек понравится, то и все его высказывания она непременно сочтёт правильными. А президент Галине Кирилловне нравится очень... Спокойный он, вежливый, красивый... Просто идеал мужчины!

Так вот – в этот раз слушала она его, слушала, а потом очень веско заявила:

– У президента плохие советники. Сам он, конечно, потрясающий человек и такой умница, но не может же он всё знать? А этим явно кто-то пользуется. Неверную информацию ему подсовывает! Надо бы об этом на телевидение написать, пусть проверят!

Я немножко удивилась:

– С чего это у вас, Галина Кирилловна, такое мнение сложилось?

– А ты сама посуди, – возражает она и начинает быстро-быстро что-то подсчитывать на бумажке.

Она, вообще, столбиком, вручную, считает быстрее, чем я на калькуляторе. Инженерное образование сказывается. «На-ка – любуйся!» – и подсовывает мне свои расчёты. А по ним выходит, что за последние десять лет на нашей улице умер двадцать один житель, а родилось два. Средний возраст проживающих – шестьдесят два года. (Это нам Катерина Алексеевна статистику усугубила, ведь ей в том месяце девяносто восемь стукнуло! Без неё по-оптимистичней чуток было бы.)

– Кому тут демографию-то поправлять? Мне, что ли, с Катериной Алексеевной?

Эх ты, улица Линейная...
Линия твоя непутевая!